

Моим детям, внукам, родственникам О нашей семье, близких нам людях и временах, формировавших их судьбы. To my children, grandchildren, and relatives about our family, the people close to us, and the times that shaped their destinies.

INTRODUCTION

Ефим Клоц

На 83-твем
моим детям, внукам, родственникам

О нашей семье, онающей на людях и временах,
формулировавших их судьбы.

Тридцать лет впереди меня на то спешенье жити,
когда геновек может сказать о себе, что он са-
мый старший по возрасту и единственный еще
живой, кто хорошо знает многих представителей не-
когда большого рода. Сожалению, я знаю не все и
не о всех. Мне стыдно за то, что не знаю даже имена
своих бабушек — мамы моего папы. О подобных явле-
ниях — дальше. Здесь, в свободной гостинице, считают нужным от-
метить, что написал только о том, что помнил сам и о
спытанном в семье; оценки некоторым обществен-
но-политическим событиям дать в пониманий
времени, к которому они относились, а отдельные
подробности — для лучшего представления оси-
тующих.

Воспоминания написаны по многим принципам. Це-
лочки жизни большинства еврейских семей разор-
ваны вынужденной эмиграцией, многие звенья цепи
закрыты безвозвратно искажены, поэтому надо передавать
потомкам еще извесение; моя, к сожалению, этим ин-
тересуюсь. Я сразу хотел заняться семейной историей —
материкой но текущие задачи никак не кончат-

ся. Корректируя в последовательность работ выше
мои самые младшие, внучок Левчик: он проявил
больший интерес к истории семьи. Однако прибли-
жалась шестидесятая годовщина Победы над фашис-
ской Германией. Моя дружба предложила откликну-
ться на эту, очень важную дату, и я начал восто-
мление о семье с себя. Написал «Метры
пехоты». Замысел темы не нарушил: вошла неу-
помянутыми скромными скрепками прошлое по
жизням людей и из нашего рода.

Метры. Пехоты

Чем дальше уходит годы Великой Оте-
чественной войны, тем важнее мне пред-
ставляется показывать свидетельства эпи-
зодов с решениями высшего командования, с
фактами жизни страны — на всех стадиях
войны. В период определившегося всеро-
дного наступления Советской Армии неист-
вил даже взвога были частю стратеги-
ческих-тактического плана победы. В таком
связи — один из залогов успеха и более ясного
представления о происходившем. Поэтому на-
значу с фрагментов из книги Мартина Мер-
жанова «Солдат, генерал, маршал (о баг-
рамяне И.Х.)». Из-за полета Арии, М., 1974.

« В конце 1941 года в Правда» написал:
«По инструментам улицы Москвы под колесами со-
ветских солдат прошли 37 800 человек, плененных за-

The passage of years has brought me to that stage of life when a person can say about themselves that they are the oldest by age and the only one still alive who knew many representatives of what was once a large family. Unfortunately, I do not know everything and everyone. I am ashamed that I do not even know the name of my grandmother - my father's mother. More about such phenomena - later. Here, in the introduction, I consider it necessary to note that I wrote only about what I remember myself and what I heard in the family; assessments of some socio-political events in the understanding of the time to which they belonged, and some details for a better understanding of the situations.

I wrote the memoirs for many reasons. The chains of life of most Jewish families are broken by forced diaspora, many links of the chain are irretrievably lost, so it is necessary to pass on what is still known to descendants; fortunately, mine are interested in this. I have long wanted to engage in family topics, but current work never ends.

The sequence of work was corrected by my youngest grandson Lyovochka: he showed great interest in the history of the family. However, the sixtieth anniversary of the Victory over Nazi Germany was approaching. My friends suggested responding to this very important date, and I began my family memoirs with myself, writing "Meters of Infantry". The theme's concept is not violated: the war passed through the lives of people from our family with relentless steel scrapers.

FRONTLINE MEMORIES

The further the years of the Great Patriotic War go, the more important it seems to me to show the connection of military episodes with the decisions of the high command, with the facts of the country's life at all stages of the war. During the period of the determined general offensive of the Soviet Army, the actions of even a platoon were part of the strategic tactical plan of victory. In such a connection lies one of the keys to success and a clearer understanding of what happened. Therefore, I will provide fragments from the book by Martyn Merzhanov "Soldier, General, Marshal (about Bagramyan and others)". Politizdat, Moscow, 1974.

In July 1944, "Pravda" wrote:

"Along the central streets of Moscow, under the escort of Soviet soldiers, 57,600 prisoners captured in Belarus marched."

captured in Belarus. At the head of the giant column, with their heads down, moved German generals and officers... They triumphantly marched through many capitals of Europe: Warsaw, Paris, Prague, Belgrade, Athens, Amsterdam, Brussels, and Copenhagen. Their dream was to march through Moscow in the same way. And here they were walking through it, but not as victors, but as the defeated... The prisoners marched past the silent, angry Muscovites, who stood in dense rows on the sidewalks. (p. 81) The prisoners who passed by, in terms of numbers, constituted more than four rifle divisions. An impressive force. So the July march was a visible testimony of the coming victory, a moral stimulus for the war-weary Soviet people. At that time, May 9 was nothing more than a date on the calendar. Despite the clear advantage in favor of the Soviet Army, the war was fierce, and the enemy tried to turn the tide. Bagramyan assumed that the Germans would hold the Baltics to the last. This task had not only strategic but also political significance for them. Relying on the well-equipped defensive lines created here, the command of the Army Group "North" could free up a sufficient number of troops to counteract the forces of the 1st Baltic Front. (p. 82) The upcoming operation was associated with difficulties that arose due to the counterattacks of the Germans. On July 20, 1944, the offensive of the front's strike group began in the Šiauliai direction. The troops relatively quickly overcame the first defensive line and moved forward. (pp. 83, 85) In the book by M. Moshinov. (p. 86)

Let us pay attention to another significant fact that happened on the same day, July 20, but on the other side of the front. That night, when the front commander General Bagramyan and Chief of Staff General Kurasov finally polished all the details of the Šiauliai operation, in East Prussia, in the Rastenburg area, at Hitler's headquarters - the so-called "Wolf's Lair" - 300 kilometers from the headquarters of the 1st Baltic Front, the head of the operations department of the

3.

хваченных в Белоруссии. Впереди гигантская колонна, опустив головы, движались германские генералы и офицеры...
Они побежденно прошествовали через многие столицы Европы - Варшаву, Париж, Прагу, Белград, Афины, Амстердам, Брюссель и Копенгаген. Их местом было так пройти по Москве. И вот они шли по ней, но не как победители, а как побежденные...
«Многотысячный штаб пленных изво-
лительных гвардейских московских, ленинградских редиан
стоявших на тротуарах». № 3, с. 81.

Прошедшие пленные, по численности, со-
ставили более четырех стрелковых дивизий.
Внутренняя сила. Так это юношеское шест-
вье было зрителям свидетельством грядущ-
щей победы, морального стимулом измучен-
ному войскому советскому народу. Тогда
«9 мая» было не более, чем число в кален-
даре. Несмотря на отреагировавшийся юнош-
ский перетек в пользу Советской Армии, война
шла ожесточенная, враг пытался перево-
ить ситуацию.

«Баграмян исходил из того, что Пребитайтису гиган-
тами будут удивлены по последним возможностям.
Эта их задача имела не только стратегический, но и
политический смысл. Опираясь на созданные здесь
и восточнее фронта силы, германское командование
группы армий «Север» могло
высвободить достаточно количество войск для про-
тиводействия действиям 1-го Прибалтийского фронта». № 3, с. 82.

«Предстоящая операция была связана с трудностя-
ми, которые возникли в связи с контратаками пе-
шеходов...» № 3, с. 83.

«20 июля 1944 года началось наступление ударной
группировки фронта на Шауляйский направление.
Войска сражательно быстро преодолели первый об-
оронительный рубеж и двинулись вперед». № 3, с. 83, 85.

А КУШТО М МОШИНОВА. № 3, с. 86.

матче еще на один значительный факт, произошедший в тот же день 20 июля, но по ту сторону фронта.

« В ту ночь, когда командующий фронтом генерал Бадлин и начальник штаба генерал Красов окончательно убедились, что детали штурмовской операции в Восточной Пруссии выполнены, Гитлер встал. Гитлер — так называемый «Волхванин» (это слово означает в 300 километрах от штаба 1-го Прибалтийского фронта) — наступил настороже. Начальник оперативного отдела генерал-лейтенант Альберт Хойзингер. Он готовился к документу фюрера.

Извините в эту секунду раздался оглушительный взрыв... Гитлер вышел из-под упавшего на него стола. Он получил синяки и легкие ранения. » с. 85-86

« Наши войскашли на запад...
Гитлеровцы...
чувствовали близкую Восточную Пруссию и край земли — берег Балтийского моря.
На следующий день наступление было остановлено городом Паневежис, аскером и Шауляй. В тот же день после успешных боев войска 2-го Прибалтийского фронта и 6-й гвардейской армии генерала Чистякова вышли в Даугавпилс.

После освобождения Шауляя противника окончательно усыпало сопротивление. » с. 86

Середа. Масштабных событий приближала мою особую дату, 24 июля 1944 года, о которой рассказывало.

Раннее утром передовой вернулся разведка. Оно проверило, в частности, положение на нейтральном участке, откуда предстояло продолжить наступление. Незадолго до

« 6-й гвардейская армия входила в состав 1-го Прибалтийского фронта. В данной операции она взаимодействовала с войсками 2-го Прибалтийского фронта.

5.

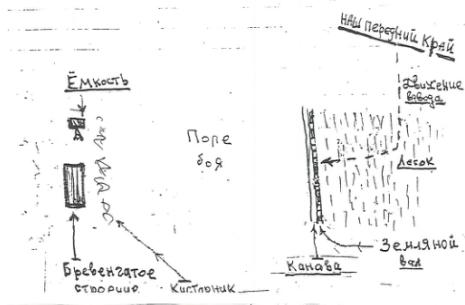
возвращения разведки нам принесли в наплесках термосах горячую вкусную кашицу с маслом, сладкий чай, хлеб. Мы не торопясь наелись, еще раз проверили оружие, кто-то осторожно закурил, все замолчали; ждали приказа на выдвижение к исходным позициям. Я был молодшим лейтенантом (после окончания Городничего Тульского пушлеметного Минометного училища), командиром стрелкового взвода — 517 стрелковой Краснознаменной полк, 166 гвардейской дивизии, 8-й гвардейской армии. Обстановка на уровне стрелкового пехотного взвода была та сама.

Нейтральная полоса проходила как бы под углом. Линия нашего переднего края возвышалась слегка над узким полем, которое опиралось противоположной стороной в молоденское редколесье. Предстояло спуститься в лесок, пройти его поперек и залезть за никаким земляным валом — рвом — атаки. Впритык к валу, с внешней от нас стороны, — земляная мелиоративная канава. За валом, напротив, в сторону немцев, тоже было небольшое поле длиной — по направлению нашего наступления — метров, примерно, 120. И

general staff, General A. Heusinger, was also sitting over a map. He was preparing to report to the Führer, scheduled for noon on July 20... At that very second, a deafening explosion occurred. Hitler crawled out from under the table that had fallen on him. He received burns and minor injuries. (pp. 85-86) Our troops were moving west. The Germans felt the proximity of East Prussia and the edge of the earth - the shore of the Baltic Sea. On the second day after the start of the offensive, the city of Panevėžys was liberated, and soon after, Šiauliai. On the same day, after fierce battles, the troops of the 2nd Baltic Front and the 6th Guards Army of General Chistyakov captured Daugavpils. After the liberation of Šiauliai, the enemy feverishly intensified resistance. (p. 86) A series of large-scale events was approaching my special date, July 24, 1944, which I am telling about. Early morning. The front line. The reconnaissance returned. It checked, in particular, the situation in the neutral area from which the offensive was to continue. Shortly before that, the 6th Guards Army had joined the 1st Baltic Front. In this operation, it interacted with the troops of the 2nd Baltic Front.

The returning scouts brought us hot, delicious porridge with butter, sweet tea, and bread in shoulder thermoses. We ate unhurriedly, checked our weapons again, someone carefully lit a cigarette, and everyone fell silent; we were waiting for the order to move to the starting positions. I was a junior lieutenant (after graduating from the one-year Tula Machine Gun and Mortar School), commander of a rifle platoon - 517th Rifle Red Banner Regiment, 166th Guards Division, 8th Guards Army. The situation at the level of the rifle-infantry platoon was as follows: The neutral zone ran at an angle. The line of our front edge was slightly elevated above a narrow field, which on the opposite side abutted a young sparse forest. We had to descend into the forest, cross it, and lie down behind a low earthen rampart - the attack line. Close to the rampart, on the side away from us, was a narrow drainage ditch. Beyond the rampart, directly towards the Germans, there was also a small field about 120 meters long in the direction of our advance.

6
Это поле было по слабым наклоном, но в нашу сторону (для наступающей пехоты это тоже). На немецкой стороне поле граничило с кустарником, старыми деревьями, боком -вой стеной личного деревенского хуторского строения (амбар или сараи), а немного правее - с большой ёмкостью на высоких металлических опорах. Две объекта - строение и ёмкость - можно было превратить за короткое время в хорошо защищенные огневые точки. Это входило в защитную полосу немецкой обороны. Такова была типология места нашего выезда в бою. Показываю всё в плане.

7.
Выдвижение на исходные позиции прошло быстро, спокойно. В молоденький лесок вошли в полной боевой готовности. Когда приближались к земляному валу, противник открыл огонь, как спящий, - по широкому фронту наступающей армии. Всем будоражил май «Ницнунц» к валу. Никто не пострадал. Мгновенно открыли ответный огонь. Сила наката на струйкой курок, юная сила пуль, казалось, умножалась на силу ненависти к фашизму Гитлеру. Автоматными очередями мы были по местам наилучше вооруженных, надежных для боя, огневых точек. По обстановке мы хорошо подготовились к атаке. В соседнем въезде находился командир роты (значит, там участок был сложнее). Они тоже как следует «прополоскали» позицию врага, и мы одновременно поднялись в атаку: мимо перекинули через земляной вал, канаву и устремились вперед.

Особенность боя состояла в том, что расстояние между нашими и немецкими позициями, повторю, было минимальное. Это значило, что нам надо было добить уверенность врага в надежности - обороне, а главное - усилением от них дальнего боя выбить его с занимаемых позиций. Причины такого вида пехотных атак возникали потому,

This field had a slight slope, but towards us (which is bad for advancing infantry). On the German side, the field bordered with bushes, old trees, the side wall of a long log farm building (barn or shed), and a little to the right - a large tank on high metal supports. These two objects - the building and the tank - could be quickly turned into well-protected firing points. This was part of the German defense line. This was the disposition, the place of our platoon in the battle, I show everything in the plan.

The advance to the starting positions went quickly and calmly. We entered the young forest in full combat readiness. As we approached the earthen rampart, the enemy opened fire, as it seemed, along the wide front of the advancing army. Our entire platoon dived to the rampart. No one was hurt. We instantly returned fire. The force of pressing the trigger, the killing power of the bullet, seemed to multiply by the force of hatred for fascism, for Hitler. We fired bursts at the most likely, reliable enemy firing points. We were well prepared for the attack. In the neighboring platoon was the company commander (which meant that section was more difficult). They also thoroughly rinsed the enemy's position, and we simultaneously rose to the attack: in an instant, we jumped over the earthen rampart, the ditch, and rushed forward. The peculiarity of the battle was that the distance between our and the German positions, I repeat, was minimal. This meant that we had to shake the enemy's confidence in the reliability of their defense, and most importantly, by intensifying close-range fire, drive them out of their positions. The reasons for this type of infantry attack arose because,

if the enemy withstood the hell of the concentrated firepower of divisions and armies, they entrenched themselves on intermediate defense lines and tried to hold back the onslaught of the advancing Soviet Army. For this, they hastily built defenses and pushed a man with a rifle (usually rifle units) to the front line of their defense. The Germans retreated but did not flee, so the task was to prevent the enemy from consolidating on intermediate positions, to drive out the man with the rifle, and to push the enemy to the lines and times set in the operational plans

то если враг выдерживал аг. ударов 8:
струпированной отважной мощи гвардейской армии,
то он закреплялся на промежутках между оборо-
нами и пытался сдержать наступающей
Советской Армии. Для этого он последнюю быстра-
яя защищую и на переднюю линию своей оборо-
ны ввел вогонь стрелковые подразделения -
человека с ружьем. Немцы стояли, даже не
жили. Поэтому - не дать закрепиться врагу на
промежутках позиций, выбить «зевове-
ка с ружьем» и отогнать противника к ру-
бежам и к временному уставляемому вперед
тактическим разбросом высшего командование. Тако-
ва задача. В подобных операциях последнего
этапа становилась пехота. В этом духе её неза-
менимость, сила и жертвенность:

Мы атаковали и на бегу вели авт-
оматный огонь короткими очередями, то-
бы отогнать отважный огонь противника
и не снижать темпа атаки. (Падение.
На коротком расстоянии, да еще на откры-
той местности под наклоном, даже слабым, но

9
благодарим противнику, «классическую» ата-
ку - залегания и короткие перебежки све-
дением огня - практически исключены; ата-
кующие хорома вились, малоподвижны. Нужен
быстро бросок и сконцентрированный огонь
по наименее пологой атакующей волной линии.
Так и было. По мере быстрого преодоления ко-
роткого расстояния огонь нарастал, но ху-
же тому, боевые духи позиций находятся отку-
да-то пехота сдала в общем шуме без пуль
выходили из строя. Наших бойцов. Но каком=

то десятке метров это то глохло, жест-
кое огнём сильное толчко мечя спрятало и
сбило с ног. Толчок был такой сильн., что в мо-
ём сознании не зафиксировался момент
падения.

Самоочущение начало возбуждаться
неизвестным ялом, мраком и фантастичным
ветром в голове. Всё это как бы быстра-
шило меня в какую-то зону, к светлому
патну. В какой-то миг открылись глаза
и лежал низким, в луже крови. Жгучая боль
во рту, на лице. В пределе плаче. У головы

of the high command. This was the task. In such operations, the infantry put the final point. This was its irreplaceability, strength, and sacrifice. We attacked and fired short bursts of automatic fire on the run to limit the enemy's return fire and not slow down the pace of the attack. (Explanation: at a short distance, and even on open terrain with a slope, even a slight one, but...

for the enemy, a "classic" attack - lying down and short dashes with firing - is practically excluded. The attackers are well visible, immobile. A quick dash and concentrated fire on a narrow strip of the line attacked by the platoon are needed. And so it was. As the short distance was quickly overcome, the fire increased, but worse for them, the attacking infantry was near their positions. However, in the general noise of the battle, bullets took our soldiers out of action. At some ten meters, something flat, hard hit me very hard on the right, knocked me off my feet. The blow was so strong that the moment of falling was not recorded in my consciousness.

The sensation began to return with a continuous hum, darkness, and a peculiar wind in my head. All this seemed to pull me into some distance, to a bright spot. At some point, my eyes opened. I was lying face down in a pool of blood. Burning pain in my mouth, on my face, in my right shoulder. By the head...

lay my PPSh submachine gun (Shpagin submachine gun), with peripheral vision I saw pieces of torn cheek, from which clots of blood were dripping; there was no right forearm: a mess of meat and blood held the forehead on a piece of torn sleeve of the tunic, and on the dark blue vein horror gripped me: am I really dying, will I really not see my Moscow?!

10.

ложил мой автомат ППШе (пистолет-пулемёт Шpagina), боковым зрением видел куски разбитой шеки, с которой стекали струйки крови; правого предплечья не было: массивная кость и кровь держались на куске разорванного рукава гимнастерки и на Тёмносинем жилке. Ужас охватил меня: неужели умираю, неужели не увижу мою Москву?

[Москва представлялась не родственным комиче-
ским родным домом — мне было 19 лет.
мои родители к тому времени умерли. Моск-
ва представлялась в тот миг чистым уголком
Пушкинской ладожи, где торчали памят-
ник великому поэту (на изキンном месте) и су-
повая статуя Зоревиты (на краине нового Торго-
уловского дома по улице Торжковой].

Растерянность, шок сменились беспоко-
иением, сознанье, хотя в голове сидело
шумело и стучало в висках; струйки крови да-
вали горло, а беспредельное заглатывание. Од-
нако страх сменился страшением
выживать. Я осторожно развернулся налевом плече,
спёрся на левую грудь спину, левой рукой поднял
правую руку, потом протянул полевую сумку и ля-
мкой обмотал оторванную руку, в поиске некото-
рого облегчения боли я попытался снять с лица
жгущую боль, но пальцы коснулись языка. Я
речица вырываясь своими силами. Не спал годич-

INJURIES AND RECOVERY

Moscow did not appear to me as family or a childhood home — I was 19 years old, and by that time, my parents had passed away. Moscow appeared at that moment as a cozy corner of Pushkin Square, where the monument to the great poet stood (in its original place), along with a plaster statue of a ballerina on the roof of a then-new corner building on Gorky Street.

Confusion, shock were replaced by the restoration of consciousness, although there was a loud noise in my head and pounding in my temples, clots of blood pressed on my throat, I continuously swallowed them. However, the fear of death was replaced by the desire to survive. I carefully turned on my left shoulder, leaned on the left part of my back, pulled my right hand with my left hand, then dragged the field bag and wrapped the torn hand with the strap; in search of some relief from the pain, I tried to remove the burning weight from my face, but my fingers touched my tongue. I decided to get out on my own. I didn't have time to...

my actions, when seconds later I saw a nurse next to me. Kneeling, bending over without a word, she began to bandage my face, then twice tried to apply a tourniquet to my right forearm, the tourniquet did not hold. "We'll have to use a tight bandage," she said quietly, neither to me nor to herself, and opened the medical bag again. While the nurse was bandaging, I tried to clearly say the word "drink." She, of course, understood everything without my mumbling, and when she finished bandaging, she lifted two flasks, shook them slightly, and quietly, with great sympathy, said: "The wounded drank. Hold on, dear, we'll take you soon." Still staying low to the ground, the nurse crawled away. The tight bandages muffled the sensations of sharp pain, but the thirst tormented me: it seemed that there was a stinking, overripe footcloth in my mouth, which I was forced to suck... Half-lying on my back, I pulled the field bag with the strapped hand higher to my chest, hooked the strap of the sub-machine gun, and, leaning on my left elbow, began to crawl towards the forest...

Maybe if I had drunk water, I would have stayed to wait for help. The nearby forest already seemed far away, but I crawled. I remember myself already in the medical company: it means the nurse returned, they carried me out. In the medical company, they filled me with the unforgettable charm of raw, cool water, gave the mandatory tetanus shot for all the wounded. Then - the operating room of the medical battalion.

- The medical company is the nearest medical point to the combat actions; it was located at the front positions; its function was to provide emergency assistance to the wounded and send them to the medical battalion.

The medical battalion is a full-fledged hospital complex deployed in combat conditions, becoming stationary as the army advanced; it was located deep in the front line at the level of auxiliary units of divisions and the army. From the medical battalion, operated-on severely wounded soldiers were

свои действия, как через секунду я увидел воне себя
Медицинскую сестру. С кем, настукивши без слов она
ногами. «Ингвада! Мое лицо, потерявшиеся, пыта-
ясь находить жутк на грани смерти, жутк не
держалась. «Причёлся тяжко повязку — сказала она
тако ни мне, ни себе и спать открыла санитар-
ную сумку. Пока сестра ингвада, я пытаюсь вни-
тико произнести слово пить. Она, конечно, все по-
нимала и без моего мигания, и когда кончила в
зажимать, приподняла где-то фляжку, легкота потрес-
кала и тихо с большим сочувствием сказала: «Ране-
ние выпили. Потерпи, будешь скоро забыть тебя».
По-прежнему оставаясь чуточка пригнувшейся к
земле, сестра отползла.

Тяжкие повязки приглушали вычущения ост-
ро боли, а жажда мутила: казалось, что во рту у
меня провисевшая, перевернутая пергамент, ко-
торую я вынужден отсасывать.
Поплыла на спине, я подтянул первые, к груди,
поплыло сумку с примотанной рукой, зацепил ремень
автомата и, оторвав на левый скотч, стал ползти
в сторону лесотка (воз-

12

можно, если бы я попил воды, остался бы живо...
мощнобличный лесогод уже казался добрейшим, однако
я зев. Помню себя уже в сандроте: значит, се-
стра вернулась, меня вынесли в сандроте начи-
ни мезаивающей прелести сырой, прохлад-
ной водой, сделали обезболивающий для всех
раненых противостолбнячный укол. Потом
операционная месадата.

Санитарная рота - близкий к боевым
действиям медицинский пункт; расположился на
передовых позициях; ее функция - нест-
рой помочь раненым и отвезти его в медсан-
дат.

Медицинско-санитарный батальон - разъе-
рнутый в боевых условиях поливиничный, по
мере продвижения армии, стационарный боль-
ничный комплекс; расположился в глубине фро-
нта, поблизу на уровне боломогательных подраз-
делений дивизий армии. Из медсанбата прошли
тысячи раненых бойцов отправляемых по цено-
же эвакоспецтранс (ЭТ) до ближайшей восста-
новленной железной дороги, куда подвозили са-
моторные поезда. Они развозили раненых по госпи-
талям страны; в ЭТ раненые находились под чу-
дом, в зависимости от процессы легенды и их физи-
ческого состояния. Перевозили раненых и самолетами.

13

Было №26, когда я проснулся от нарко-
за. Увидел себя в большой армейской палатке. На
центральном спорном месте слово светилось па-
мятка. За небольшой тумбожкой сидела меди-
цинская сестра. Много кек, но все разные. Но-

же вдруг в палатку оторочен, танет запахом не-
са. Особая гимнаика №26. На выстрела, как будто нет
войны. Моя зрительность стала синтаксис; по горло
накрыл простыней. Руки! А резко сдернула пра-
вую. Широкие ёмкости оторвались грудь, а пра-
вое плечо было замотано втугавую толстой бин-
товой перевязкой. «Всё. Руки не будет?»

Сердечно сказали. Я сижу и понял свою но-
вую будущность. Сестра учила меня, какое-то дви-
жение, подошла заново. Накрыла простыней, то-
ворила что-то очищивающее, но я уже не ве-
дущийся, как чуром.

Оказавшись я не всё знал тогда об
этом. Не збрала и третью пушку. В городе Иваново, где
я лежал в землянке, гостилище, блокадные
после ранения взяли сюда полевую сумку
и скрутили. В краешке её первого чулка был ту-
льевый вход/выход трубы, маленькая щель, а
на выете, в задней утолщенной стенке - бор-
шой разрез, как ножом; на дыньшке сумки лежа-
ли вязовобоярские лопатинки деревозка. Гнили и

sent through a chain of evacuation hospitals (EH) to the nearest restored railway, where hospital trains arrived. They transported the wounded to hospitals across the country; in the EH, the wounded stayed for 2-4 days, depending on the treatment process and their physical condition. The wounded were also transported by planes.

It was night when I woke up from anesthesia. I saw myself in a large army tent. A dim light bulb glowed on the central support pole. A nurse sat at a small bedside table. Many cots, all with wounded. The flap of the tent entrance was thrown back, the smell of the forest wafted in. A special silence of the night. Not a shot, as if there was no war. My jaw was bandaged, covered with a sheet up to my neck. My arm?! I sharply pulled off the sheet. Wide bandages wrapped around my chest, and my right shoulder was wrapped in a thick bandage. "That's it. There will be no arm," I coldly said to myself and understood my new future. The nurse heard some movement, approached, covered me with the sheet again, said something encouraging, but I was no longer listening, as in the morning. It turned out I didn't know everything about that day - there was a third bullet. In the city of Ivanovo, where I was lying in a maxillofacial hospital, I first took my field bag after the injury and gasped: in the corner of its left edge was a bullet entry (simply put, a small hole), and at the exit, in the back thickened wall - a large cut, like with a knife; at the bottom of the bag lay a torn brass bullet casing and...

a flattened piece of lead, that's how an explosive bullet tears. To this day, I keep these items, which have become relics of the Great Patriotic War for me. The roads to victory over German Nazism were steep. Listening to the pure sounds of fanfares for the victors, let us honor those whose youth was forever frozen in that heavy war. I was awarded two Orders of the Patriotic War, first and second class, as well as the medal "For Victory over Germany" and commemorative jubilee medals of the USSR, RF, and Israel.

Abbreviated published in the weekly "Kstati"
(California) June 1-7, 2006. No. 585, p. 35.
<http://www.kstati.net>

14.

расплющеный кусочек синицы. Так рвёт разрывы вная турь. По сей день храню эти предметы, ставшие для меня реликвиями Великой Отечественной войны. Дороги к Победе над германским нацизмом были кръстами. Слушаю густые звуки французов победителей, слышу честь и гордость, звучавшую в Той Тяжёлой Войне. Я награждён двумя орденами «Отечественная война», первой и второй степени, а также медалью «За Победу над Германией» и памятно-юбилейными медалями СССР, РФ и Израиля.

[Рекомендовано в ежегоднике
«Ксати» (Калифорния) 1-7 июня
2006 года, №585, стр.35. <http://www.kseti.net>].

Продолжение на тему с вакциной для меня эпизод из госпитального периода. Я задался вопросом: как мне жить без руки? Сложности были очевидны, да, суровые условия жизни военных лет не ушли. Были и такие инвалиды войны, которые не выдерживали схватившись за них десантников, скатывавшихся на землю живущими; это все же не было зажечением, спасавшим из их прошлого. Я понимал, что помочь, сию надо искать в себе же, уже в реинтеграции надо начинать готовить себя к новой жизни. Но как?

Первое испытание подсказало необходимость начинать борьбу о своим ранению. Я по-

LIFE AFTER INJURY

I will continue with an important episode from the hospital period. The first test was prompted by the need to write to my brothers about my injury. I asked myself: how do I live without an arm? The difficulties were obvious, and the harsh living conditions of the war years offered no consolation. There were also such war invalids who could not withstand the misfortunes that befell them and slid to the bottom of life; this was not at all a pattern that followed from their past. I realized that help, strength must be sought within oneself; already in the hospital, one must begin to prepare oneself for a new life. But how?

15.

Буквы; когда решил, где достичь успеха в каллиграфии, попросил медицинскую сестру поискать тёплую пачку или фанерку, чтобы на согнутых ногах мог написать свою короткую письмовую. Каково, конечно же, удивление и предложение написать письма под моего диктавки. Я поблагодарила и отказалась, сказав, что у меня никакого нет, надо писать всё делать самому.

Был бы позитив, конечно же, через написание сестра. Где-то было в том, что я не писала вообще. Тяжело, конечно, разрывавшуюся волох гениталии, конечно. Это была моя первая шаг к самоуверженнию в склонившейся ревности.

Среди пострадавших мои друг - Заславский Яков Михайлович, родился в 1923 году, местом жительства Сретенка, чл. Хмельева, 11. Мы познакомились задолго до войны в Ленинградском лагере. Яша закончил (если не ошибаюсь) Самаркандское танковое училище. Был ранен, после госпиталя вернулся на фронт, но не танкистом. В звании старшего лейтенанта, на 2-ом Прибалтийском фронте, 25 июля 1944 года, то есть на следующий день после моего ранения, Яши такело ранено в живот, в тот же день он скончался.

После войны фронтовой товарищ Яши присыпал его родителям почтовую карту, на которой тепло писал о матери Яши. При собственном военкомате родители разрешили перезахоронить своего сына в еврейском на посмосковской еврейском кладбище «Востраковское». Мама Яши вправом чудом от грабителей ворот. Поздорвка его писем с фронта открытием в журнале «Знамя». Отдал честь фронтовой сестре моего друга - Люсе Зимоненко, которая многое сделала для сохранения памяти о погибшем брате.

I decided that I had achieved success in calligraphy, and asked the nurse to find a hard board or plywood so that I could write two short letters on my bent legs. I still remember her surprise and her offer to write the letters under my dictation. I thanked her and refused, explaining that I had no one, I had to learn to do everything myself. The letters turned out crooked, the nurse wrote the addresses. The main thing was that I did not accept the tempting, sometimes destructive help that can undermine a person's will. This was my first step towards self-affirmation in the new reality.

Among the dead was my friend - Zaslavsky Yakov Mikhailovich, born in 1923, a Muscovite, lived on Sretenka, Khmeleva St., 14. We met long before the war in a pioneer camp. Yasha graduated (if I'm not mistaken, from the Samarkand) tank school. He was wounded, after the hospital he returned to the front, but not as a tanker. As a senior lieutenant, on the 2nd Baltic Front, on July 25, 1944, that is, the day after my injury, Yasha was seriously wounded in the stomach, and on the same day he died.

After the war, Yasha's front-line comrade sent his parents a field map on which Yasha's grave was precisely marked. With the assistance of military commissariats, the parents were allowed to reburial their only son in the Vostryakovskoye Jewish cemetery near Moscow. Yasha's grave is in the right corner from the main gate. A selection of his letters from the front was published in the magazine "Znamya". I pay tribute to my friend's cousin - Lyusya Zimonenko, who did a lot to preserve the memory of her deceased brother.

In the same grave rests his mother — Milda Yakovlevna. A memory associated with Yasha is about the last pre-war pioneer summer, in 1940. You could always stay out of town for two shifts, and parents were freed from the worries of children. The level of interest in the camp was determined by the qualifications of school teachers who led club activities. The clubs included: literary, botanical, handicrafts, military-oriented —

16

Так же могли показаться ею матер - Михаил Яковлевич.
С ющим содрано воспоминание о последнем
военном письменном лете, о 1940 году. Всего можно
было пройти за годом, где смысли, где реалии, где во-
буждались от забот о детях чувства интереса определялись в
лагере квалифицирующей школы педагогов, которые вели
коррекционную работу. Кружки были: художественного слова, бота-
нический, умелые руки, военизированного направления —
автомодельный, географический. Всегда уже смер-
тальность, разжигали костер, Ребята, промышленному забо-
гу, штаны-кто наизусть, кто по книге — стихи, неслы-
шше рассказы профессиональных классиков. Потом педагог-
руководитель кружка помимо взаимодействия в подлин-
ном содержании проявлялась настичи смысловые
изделия. Такие недовольственные гербы тиражировались
человеками легко запоминались и помогали нам
в школе получать хорошие отметки по литературе.

В предвосхищенные всем пригородные электрички
по Киевской железной дороге еще не додумались на
частке Северный (Красногорский) вокзал — Тура Александров
поехал. Тянули электровозы. Приезжавшие с юности рас-
сказывали о рабочести, блеске, ярости, как будто я-
кое-то волшебство на сцене зажигало речь, те там спокойно
задыхливым спутником летела хвастовость; воспоминания
были сей грезой. Это она и есть то самое электровозы.

17

— Тот же и летом 1940 года до станции Сукаово по
Киевской, где размещался пионерский лагерь, мы
ехали в старых, грязных, переваливавшихся с
боку на бок, вагонах. Состав тянул тоже старый, при-
способленный для пригородного движения паровоз. За-
то он был настроен до сверкающего блеска, и это при-
давало какую-то шарм приветствию. Паровоз пре-
рывисто гудел, с шумом выпускал

пар; колеса монотонно и часто стучали на стыках ре-
лос; щелестная гаря из труб паровоза летела в откры-
тые окна вагонов; при торможении вагоны с 193-
го, и силою стакивались буферами, поэтому ре-
бята, которые неизменно сидели, или сидели на
краешках сидений, почти упали. Условий езды не-
сильно нас. Мы сидели сидели их с отвратительно
недобро (лето 1935 года) открывшейся выработке в
СССР линии Московского метрополитена
имени Л. М. Кагановича («Сокольники»)
— «Парк культуры имени А. М. Горького». Нес-
мотря на пылкое паровоза пение, медленно ме-
нялись проплытыми мимо окон поездом. Сукаово казалось
по отношению к Москве неуважительной далью, и на ро-
житебские дни мало кто приезжал, даже к младше-
классникам. Отдалённость обременяла всех. Мы с ми-
гелью привыкли предложение руководителей. Так,
педагог по ботанике предложила присоединиться к сбори-

model aircraft, geographical. In the evening, when it was already getting dark, a campfire was lit. The children, mostly girls, read — some from memory, some from books — poems, short stories by Russian-Soviet classics. Then the club leader helped to understand the true content of what was read, to find the semantic emphasis. Such optional theoretical lessons were easily remembered and helped us get good grades in literature at school. In the pre-war years, suburban electric trains on the Kiev railway did not yet run. Only on the section from the Northern (Yaroslavsky) station to the city of Alexandrov did the trains run on electric locomotives. Those who came back told with delight about the different impressions of the ride. Well, if such a thing happened to familiar guys, you became an envious witness to the flow of boasting; the guys felt like heroes, as if they were those very electric locomotives.

So, in the summer of 1940, we traveled to the Sukovo station on the Kiev railway, where the pioneer camp was located, in old, rattling, swaying side-to-side carriages. The train was also pulled by an old steam locomotive adapted for suburban traffic. But it was polished to a sparkling shine, which added some charm to the journey. The steam locomotive whistled intermittently, released steam with noise; the wheels monotonously and frequently clattered at the rail joints; coal soot from the steam locomotive's chimney flew into the open windows of the carriages; when braking, the carriages collided with a clang and force, so the children who stood unsteadily or sat on the edges of the seats could fall. The travel conditions amused us, we compared them with the relatively recently (summer of 1935) opened first line of the Moscow Metro named after L.M. Kaganovich ("Sokolniki — Gorky Park"). Despite the puffing of the steam locomotive, the landscape slowly floated past the train windows. Sukovo seemed an incredible distance from Moscow, and few people came on parents' days, even to the younger students. The remoteness united everyone. We easily accepted the leaders' suggestions. For example, the botany teacher suggested joining the collection.

and preparation of herbariums for middle school students. Yasha photographed me

18.

и оформление гербариев для среднеклассников. За таким занятием меня сфотографировали яши: с букетом полевых цветов в правой руке (это оказалось её последним фото).

С большим интересом мы ходили в походы по окрестам Дубового леса Григорьевича Географа, давал схемы разных маршрутов движения к общему сборному пункту. После тренировок на территории лагеря мы гостепримно уходили на весь день в увлекательные походы. После завтрака получали сухие пакетики, Географ присоединялся к группе, в которой председали новички, и в путь. Отношение к опытным походам было по-мальчишески серьёзное, у ребяток тоже. Даже в тех случаях когда выходили на знакомую местность, всё равно сверяли заданное в схеме с нашим движением. В этом был особый штурманский фарс. На сборный пункт собирались к концу дня. Пришедшие первыми занимались костром. У отставших председали прорезалась, обсуждали промежутки между маршрутами, задавали вопросы, внимательно слушали руководителя кружка, который прямо-таки ответу ответил добродел какую-нибудь байку. Было весело, непринужденно. Но кульминации всему было... картошка. Мы кладали её на угольки, с краю костра; на периферии.

19.

Земную картофелину с руки на руку, обжигаясь счастливчиком покидали керченеву похода. Маршрут за-вершился, недорвавший костёр залит под пристальный взгляд руководителя вручимешки - за спину и донес в григорьевский лагерь, где ждёт ужин. Если возвращались поздно, и на небе светились Большой медведь и Полярная звезда, то на каких-то участках пути они были наши поговорками звёздами, Географ интересно рассказывал такие о странах, где эти звёзды видны плохо, об ограничениях на море.

От насыщенности впечатлениями большого дня, в конце уставшие, мы крепко засыпали. В самом стражном сне никому не могло принуться это накопление из старших ребят немножко более тем через год будет пытааться выйти из немецкого окружения, исполнить наставки григорьевских походов.

doing this: with a bouquet of wildflowers in my right hand (this turned out to be her last photo). We went on azimuth hikes with great interest. The geographer gave two groups of pioneers diagrams of different routes to a common meeting point. After training on the camp grounds, we often went on exciting day-long hikes. After breakfast, we received dry rations, the geographer joined the group, which was mostly made up of newcomers, and off we went. The attitude towards long hikes was serious for both boys and girls. Even in cases when we went to familiar terrain, we still compared the given route with our movement, there was a special navigator's farce in this. We converged at the meeting point by the end of the day. Those who arrived first took care of the campfire. By the fire, we finished our food supplies, discussed the highlights of the routes, asked questions, and listened attentively to the club leader, who usually added some story to the direct answer. It was fun and relaxed, but the culmination of everything was... potatoes. We placed them on the coals, at the edge of the fire: at the limit of patience...

Passing the hot potato from hand to hand, burning ourselves, we devoured the queen of the hike with pleasure. The routes were completed, the smoldering campfire was extinguished under the watchful eye of the leader, backpacks on our backs, and home to the Pioneer camp, where dinner awaited. If we returned very late, and the Big Dipper and the North Star shone in the sky, they were our guiding stars on some parts of the way. The geographer also told interesting stories about countries where these stars are poorly visible, and about navigation at sea. Filled with impressions of the big day, completely exhausted, we fell asleep soundly. In the worst nightmare, no one could have dreamed that some of the older guys would be trying to escape from the German encirclement using the skills of pioneer hikes in just over a year.

But we are still in the pioneer summer of the difficult year 1940. Besides school, Yasha attended a painting studio on Sretenka. He was most interested in portraiture. Unfortunately, I did not keep his drawing; it would be interesting to see how psychological his portraits were. I still remember the

20.

Но мы пока в пионерском лагере склонного 1940 года. Помимо школы яша занималась в библиотеке живописи на Среднем. Больше всего он учился портрету. Том К сожалению, у меня не сохранился его рисунок; было бы интересно посмотреть насколько писчеба-гитны его портреций. Мне еще помнятся характерные выражения глаз на сделанных изображениях некоторых общих знакомых. Меня рисование никогда не привлекало. Единственный раз, в начальной школе, я со всем старанием нарисовал свою кошку, и то маме пришлось добавить звезды на небесах. Помимо яша много рисовал, я ходил на самолето-авиационное. Мой выбор не был случайным. Так же счастлив, когда видел летящий самолет, профсоюз его встремом до тех пор, пока он не сбился в губитами моих родителей. Конечно, авиамеханика юрия в воздушных боях, террористами, но меня всегда восхищали, и я легко понимал, физические законы, которые объединяло словом самолет, поэтому школа физики была моим любимым предметом. Кроме того, мой старший брат Гриша работал на авиационном заводе и учился на вечернем отделении Московского авиационного института; у нас бывали члены кадетских батальонов, После заключения Pacta о ненападении между Фашистской Германией и СССР (август 1939 года) Гриша иногда приносил мне хорошие книжки.

21.

Советский технический журнал германской авиа-индустрии прошлого века. Тогда я впервые прочел «Юнкерсы», «Мессершmitts» и узнал некоторые их технические характеристики. Немцы, действительно, недавно начинавшие советскую авиацию не знали, если прочитали журнал, что даны были специалисты могли многое понять; а может быть это было засекречено западниками.

Интересное пионерское лето вовсе не отдало нас от больших событий в стране и мире, а было их началом. К лету 1940 года войска фашистской Германии через Бельгию, с юга с севера французскую обороночную линию Майнто, Бельгии - полностью вторглись во Францию и, честно говоря, без боя вошли в Париж; в том же штурме Советский Союз присоединил Эстонию, Латвию, Литву, Бессарабию.

В молодежных научно-популярных изданиях было много интересной, циклостильной информации из разных областей знаний. Помимо, в журнале «Наука и жизнь» были статьи о надежности машин Мажино. Это было, когда Советский Союз был молчанием, разоблачая фашизм, пропаганду. В подобных статьях неизменно говорилось о военной мощи наших потенциальных союзных союзников по противостоянию борьбе с фашизмом. Но такой потенциальный - Франция, немцы горючили на попатки с первого заската. У нас - школьников были и свои великие определения перед менем: наши животы наболели от смеха на про-

characteristic expressions of the eyes in some images of our mutual acquaintances. Drawing never attracted me. The only time, in elementary school, I drew my cat with all my effort, and even then my mother had to add fluffiness to the animal. Clearly, Yasha drew a lot; I attended model aircraft building. My choice was not accidental. Even now, when I see a flying airplane, I follow it with my eyes until it merges with the depth of the sky. Of course, aviation romance has been killed in air battles, by terrorists. But I was always fascinated, and I easily understood the physical laws that are combined in the word airplane, so school physics was my favorite subject. In addition, my older brother Grisha worked at an aircraft factory and studied in the evening department of the Moscow Aviation Institute; we had fascinating conversations. After the signing of the Non-Aggression Pact between Nazi Germany and the USSR (August 1939), Grisha sometimes brought me well-illustrated books.

A technical journal of German aviation industry. At that time, I first saw the Junkers and Messerschmitts, and learned some of their technical characteristics. The Germans apparently did not value the Soviet aviation and its defense, if they sent a journal from which specialists could understand a lot, or maybe it was just a threat.

An interesting pioneer summer was not detached from big events in the country and the world, but was a flood of them. By the summer of 1940, the German army, bypassing the French defensive line of Maigno from Belgium, invaded France without any obstacles and on June 14, without a fight, entered Paris. In the same month, the Soviet Union joined Estonia, Latvia, Lithuania, Bessarabia.

In the youth scientific-popular publications there was a lot of interesting, exciting information from different areas of knowledge. I remember reading an article in the magazine "Science and Life" about the reliability of the Maigno line. This was when the Soviet Union was conducting powerful, exposing fascism propaganda. In such articles, it was subtly said about the military might of our potential solid allies in the upcoming struggle with fascism. But such potential - France was put on the feet of the Germans from the

22.

Смотрю фильмы Чарли Чаплина «Новые времена» и «Огни большого города», мы уже предвкушали веселое на антифашистских фильме Чарли Чаплина «Диктатор»; взял от зала фильм замолчав-

ли, не стало в газетах антифашистского содержания карикатур Бор. Ефимова, Кукрыниксов (аббревиатура фамилий трех известных советских художников Куприянова М. В., Крылова П. Н., Соколова Н. А.), не было других антифашистских материалов. Но вскоре в центральных газетах появился фотография Иоахима Риббентропа — Министра иностранных дел Фашистской Германии, приехавшего на подписание Пакта о ненападении, и вправь, наступили новые времена:

В ужасных семиенно-раздевочных обличиях отнеслись к меняющимся ситуациям с тревожным потрясением. Сталин проявил то же самое, что пытаясь мирный договор (так в былу нарывали Пакт): мы прибрали соглашение с Гитлером вспомнили, он покорил силу Австрии, в Чехословакии, у него поддержка в Италии, Испании, есть сильная Япония; так это всё верно, нам надо учредить Пакт. Однако по следовавшие вследствие раздевочных зверей мы влезли в большую, зажечь война Румыния (зима 1939/40 года)? С чего это вдруг такая малолетняя Румыния стала угрозой Ленинграду? Куда весят все эти неожиданности? Ответа не было.

first capture. We, schoolchildren, also had our milestones of definitions of changes: our bellies were bursting with laughter on the

We watched Charlie Chaplin's films "New Times" and "Lights of the Big City", and we already looked forward to the fun on the announced Charlie Chaplin film "Dictator"; suddenly, the film about it was silent, there were no anti-fascist content cartoons by Bor. Efimova, Kukrynikovs (abbreviation of the surnames of three famous Soviet artists Kupriyanov M.V., Krylov P.N., Sokolov N.A.), there were no other anti-fascist propaganda materials. But soon in the central newspapers there appeared a photograph of Joachim Ribbentrop, the foreign minister of Nazi Germany, arriving to sign the Non-Aggression Pact, and indeed, new times had come.